

— Валерий Аркадьевич, вы на сколько младше брата?

В. Г.: На шесть с половиной лет.

— Расскажите про ваши отношения... Как братьев.

В. Г.: Сначала о другом. 20 лет как Саши нет, а ощущение такое, как будто это произошло вчера. Я помню этот день, этот вечер. Могу восстановить его даже не по событиям, а по перемещениям по комнате. Я вернулся из города, с поисков природы. Мы снимали картину Инны Тумаян «Когда я стану великаном». Я ходил по Москве, искал дворы для съемки, замерз, пришел домой, лег на диван, укрылся пледом, поставил на живот приемник — мы вечерами начинали слушать «голоса» — и вдруг услышал сообщение: «Сегодня в Париже...» — и так далее, и так далее.

И что меня поразило в тот момент: они долго не называли — кто. «Трагически погиб известный драматург, писатель, поэт...» И я мучительно ждал — ну кто, кто? Назовите же, кто. И наконец они назвали имя. Это было оглушительно, страшно, это было неправдоподобно. И сразу после включили записи его песен. А у меня мысль была только одна — в соседней комнате мама. Как сказать маме?

Через много лет я вспомнил смешную историю. В 1939 году мы с Сашкой вместе были летом в Новом Афоне, и он там страшно отравился, выпив вино из нелуженого чайника. Отравление было настолько сильным, что я не знал, доживет ли он до утра. Это была безумная ночь в какой-то хатенке на берегу Черного моря, на окраине Нового Афона. Страшный ветер, дождь, шторм на море. Света в доме не было, горела свеча у его изголовья... Я только помню, он пел, не пел, вернее, а бормотал: «Выткался на озере алый свет зари...»

— Этим ритмом заговаривал боль?

В. Г.: Наверное, не знаю. Моя мысль была только одна — если он не выживет, что я скажу дома? Что я скажу маме?

...Вот такое же у меня возникло ощущение 15 декабря 1977 года: что сказать маме? Я вошел к ней: «Мамочка, пожалуйста, приди, сядь, поставь приемник». Она вошла, услышала звуки: «Ой, Сашенька поет». Сейчас я не могу вспомнить, какая это была песня, наверное, «Когда я вернусь».

И после этого начались снова передачи разных «голосов» — Би-би-си, «Свободной Европы», «Голоса Америки», «Немецкой волны» — все станции передавали об этом.

И начались звонки. Буквально через какие-то полчаса... Из чего я сразу понял, что все слушают «вражьи голоса».

— Спустя двадцать лет что все-таки вы думаете о смерти Александра Аркадьевича?

В. Г.: Все мои домыслы основываются только на каких-то ощущениях, не более того. Я не могу их ни подтвердить, ни опровергнуть. Но не могу и утверждать, что это был несчастный случай.

Кроме этих ощущений, я говорю о том, что знаю. Уже среди ночи раздался телефонный звонок из Парижа: звонила Нюша, Ангелина Николаевна, и истерически по телефону, рыдая, кричала: «Валюшок, ты понимаешь, они его убили, они его убили». Это было бессвязно, это было непонятно. Она кричала о том, что генеральный прокурор Парижа сам занят расследованием этой истории. Она была не в себе, настолько не в себе, что даже дала неверный год рождения Саши для могильной плиты...

— А через десять лет началась «реабилитация» Галича...

В. Г.: Да... Это было время, когда имя Галича еще не упоминалось, когда фамилия его не могла быть нигде опу-

бликована. Первый, что называется, почти подпольный вечер прошел в Доме культуры типографии «Красный пролетарий», где в зале, вмещавшем человек двести, собралось в два-три раза больше людей. Причем вечер не афишировался, но, как известно, беспроволочный телеграф работает обычно у нас в России значительно лучше, чем, так сказать, официальный. Сидели по двое — по трое на одном стуле. И этот первый вечер, на котором выступали многие люди, вела Нина. Она, Нина Крейтнер, человек, который потом взял на себя великую ношу и великую обязанность проведения всех последующих вечеров и подготовки первых публикаций Галича.

— Валерий Аркадьевич, почему вы сами никогда не выступаете на вечерах Галича?

В. Г.: Потому что он мой брат. Это было бы бестактно. Но стараюсь приходить на все вечера. А принимать участие могу только тогда, когда сам являюсь одним из авторов, например, когда нужно рассказать о том, как снимался фильм.

— Мне давно хотелось вас спросить... Когда вы впервые услышали песни брата? Он был с вами в этом откровенен? Какое на вас произвело впечатление его первые песни?

В. Г.: Я всегда считал, что первая его песня — «Облака». Мне сейчас трудно сказать, услышал ли я ее впервые у нас дома на Малой Бронной

Ровно 20 лет назад, 15 декабря, оборвалась жизнь А. А. Галича

Накануне 15 декабря я пришел к Валерию Аркадьевичу Гинзбургу, замечательному кинооператору (достаточно назвать «Комиссара», «Когда деревья были большими», «Деревню Утку», «Руанскую деву по прозвищу Пышка», которые он снял). В этот раз мы, конечно, говорили о его брате Александре Галиче. Через некоторое время к нам присоединилась Нина Крейтнер, подготовившая первые публикации «крамольного» Галича в России, собравшая лучшую книгу о нем «Заклинание добра и зла»

Александр Галич (Москва, 70-е годы.)
Фото М. Баранова

Он взял с собой только

или у него на Аэропортовской, но это было буквально сразу после написания песни, в очень узком кругу. Саша, Нюша, я, может быть, кто-то еще был. Может быть, если у нас в доме, — мама. Но я сейчас, к сожалению, восстановить в точности не могу. Мне казалось, что эти его песни начались с «Облаков». Но, как он сам пишет в своей книге, все началось с «Леночки» — песни, которую он написал, едучи в Ленинград в «Стреле», в подарок Юрию Павловичу Герману.

— Ваша первая реакция? Может быть, вы испугались за брата...

В. Г.: Нет, испуга никакого не было. Я не большой знаток поэзии, я поэзию, к сожалению, не запоминаю, кроме тех стихов, которые мы учили в школьные годы. Но, впервые услышанные, эти стихи меня потрясли.

Сашка всегда знал о том, что у меня хороший слух. Не только слух, но и музыкальная память. Несколько раз бывали случаи, когда он звонил и говорил: «Валет, приезжай, мне нужно восстановить в памяти такую-то песню». И я приезжал. Он умел читать ноты, но не умел записывать. И вот начинал мне петь песни из своих ранних спектаклей, из «Парня из нашего города», из «Ночи ошибок». Это песни, которые были написаны еще во время войны к спектаклям, еще в то время, когда он был актером, играл в плучковском те-

атре. Я ему говорил: «Нет, врешь, здесь неточная нота». И так — пока мы с ним не добивались полного восстановления музыкального звучания той или иной песни. К сожалению, до сих пор многие из этих песен существуют только в моей памяти. И когда-нибудь, наверное, надо будет все-таки сесте и...

Н. К.: Напеть на магнитофон.

В. Г.: И напеть на магнитофон. Сейчас мы попытались сделать такую операцию с Володей Фрумкин* в Вашингтоне.

Н. К.: Получилось?

В. Г.: Нет, мы прособирались, каждый день говорили, что вот сядем и сделаем, и в результате так и не сели. Не записали ни песен к спектаклю «Парень из нашего города», ни к «Ночи ошибок». Так что они существуют только в моей памяти, и это ужасно, потому что я тоже уходящая натура, могу уйти, а песни так и канут.

— Расскажите о состоянии архива Галича, раз уж мы дошли к этой теме.

В. Г.: О состоянии архива Галича я говорить ничего не могу в присутствии Нинки. Она единственный человек, который сегодня возится с этим. Сначала, после Сашиного отъезда, все лежало в одном гигантском сундуке: от черновики до афиш и опубликованных сценариев и пьес. Он хранился на Бронной, стоял в комнате мамы. Мама после того, что случилось 15 декабря 1977 года, садилась около

сундука и все перебирала, просматривала, прочитывала, складывала обратно. И однажды в какой-то момент она позвала меня и без слов протянула опубликованный сценарий фильма «Государственный преступник». И я читаю эпизод убийства одного из персонажей электрическим током с помощью радио-приемника. Совпадение — не совпадение? Как это понимать, я не знаю. Тем не менее история гибели Саши была предвосхищена в его собственном произведении.

— Может быть, этот сценарий поставил еще и КГБ?

В. Г.: Не знаю.

— Вы сами пострадали как родственник «государственного преступника»?

В. Г.: К тому времени, когда Галич стал опальным, я преподавал во ВГИКе, с 1960 года вел операторскую мастерскую. Галич уехал в 1974 году, а к 1976-му появились уже эти бесконечные пасквильные публикации в газетах — в «Известиях», «Неделе» и других. И в 1976-м меня уволили, это и по сей день для меня бесконечно драматическое обстоятельство. Я это переживаю, потому что считаю одной из своих основных способностей педагогическую, знаю, что все мои ребята стали замечательными операторами. Даю лично тому подтверждение.

— А время перед выдворением Галича? Расскажите, пожалуйста, об этом.

В. Г.: К 1974 году Сашка был лишен всех средств к су-

ществованию. Мы с ним ездили в комиссионные магазины, что-то сдавали. А ближе к весне началась лихорадочная подготовка к отъезду, когда ему уже было официально предложено выехать. Они должны были уехать в последних числах июня, но неожиданно Галича вызвали в ОВИР и предложили выехать 24 июня. А вызвали его 22-го, то есть оставалось два дня. Какие-то доброты сказали, что это связано с приездом Никсона в СССР. Саша ничего из книг с собой не взял. Только собрание сочинений Пушкина — и все. В отличие от тех многих людей, которых я потом видел в эмиграции, гуманитариев, уехавших из Советского Союза. Я знаю, что Ефим Григорьевич Эткинд к счастью, сумел вывезти из Ленинграда всю свою библиотеку. Галичи ничего с собой не забрали. Многие раздали, что-то продали. Поэтому с таможенной они разобрались легко — вещей было немного.

— Все-таки попробуем вернуться в наши дни. Галича издавали много, но вряд ли всегда корректно. Что вы думаете о нашем времени в его отношении к Александру Аркадьевичу?

В. Г.: Вначале для меня любое издание было бесконечно дорогим. Говорить о качестве мне трудно. Но было много бестактных изданий, одно из первых таких — под эгидой Киноцентра. Мы, естественно, всем давали возможность переписать фотографии и всегда подписывали фамилии фотогра-

фов. Но люди ведут себя поразному.

Режиссер Юрий Решетников переснимал для своего слайд-фильма архивные фотографии. Потом меня поразило, что в одном из изданий было просто написано: «Фотографии из архива Решетникова».

— Валерий Аркадьевич, поскольку сейчас печальная дата, я хочу спросить о могиле Александра Аркадьевича в Париже. В каком она состоянии?

В. Г.: Вообще кладбище феноменально ухожено. Я не сколько раз был в Париже на съемках и на премьере картины «Александр Галич. Изгнание». Всякий раз приходил на Сен-Женевьев-де-Буа. Оно меня поражает! Для меня, оператора, прежде всего важен зрительный образ. В один из приездов в Париж я оказался там во время православной Пасхи. И мы с Круглыми поехали на кладбище вечером, к Крестному ходу. Это была совершенно удивительная ночь. Светлая, тихая. На пересечении всех аллеек горели факелы. Ставили их дети, мальчишки и девочки. Они бегали по этому кладбищу, устанавливали какие-то подставки, на них — факелы, а на могилах горели свечи, они не гасли. Кладбище светилось как бы все изнутри.

— Не сняли?

В. Г.: Нет, к сожалению, не снимал. Но зрелище было совершенно поразительное... И то, что это делали дети... А в другое посещение этого клад-

Тамме Александр

21.12.97